
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

О.Ю. МАЛИНОВА

**ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ГЛОБАЛЬНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Рец. на кн.: The world of political science: A critical overview of the development of political studies around the globe: 1990–2012 / Ed. by J. Trent, M. Stein. – Opladen etc.: Barbara Budrich Publ., 2012. – 188 p.

Коллективная монография «Мир политической науки: Критический обзор развития политических исследований на планете» – заключительная, 12-я книга серии «Мир политической науки: Развитие дисциплины», созданной по инициативе Исследовательского комитета по изучению политической науки как дисциплины (RC 33) Международной ассоциации политической науки (МАПН). Серию составили 12 коллективных монографий, посвященных становлению и современному состоянию основных субдисциплин и предметных полей политической науки, которые были написаны профильными исследовательскими комитетами. В совокупности с материалами состоявшейся в 2008 г. в Монреале конференции «Новые теоретические и региональные перспективы международной политической науки», в которой автору этих строк довелось участвовать, изданная германским издательством «Барбара Будрих паблишез» серия дает уникальную возможность проследить противоречивые тенденции институционализации политической науки в мире: в проекте приняли участие в общей сложности более 100 специалистов, представляющих разные страны и субдисциплины.

лины. Авторы заключительного тома, анализируя наблюдения своих коллег, задаются вопросами о перспективах политической науки в мире.

Считается, что политология возникла как «американская наука», поскольку именно в США она раньше всего институционализировалась в качестве самостоятельной академической дисциплины. По мнению одного из авторов книги, профессора Хельсинкского университета Эрки Берндтсона, этому в немалой степени способствовали изменения в структуре американских университетов: вновь возникшие факультеты (departments) «давали больше возможностей для признания новых дисциплин, нежели, например, германская система кафедр, занимаемых единственным профессором» (р. 45). Безусловно, сыграло свою роль и создание в 1903 г. Американской ассоциации политической науки, а также учреждение в 1906 г. ее журнала «*American Political Science Review*». Вместе с тем, как показывает Берндтсон, развитие политической науки в США вдохновлялось не только традицией изучения «политических и моральных наук» в университетах Старого Света, но и европейскими идеями в области образования. Не случайно основанная в 1871 г. парижская Свободная школа политических наук (*École Libre de Sciences Politiques*) послужила моделью не только для Лондонской школы экономики и политической науки (1895), но и для первого факультета политической науки в Колумбийском университете. Однако в Европе специальные школы, в которых преподавались политические науки, были преимущественно образовательными учреждениями, готовившими чиновников, дипломатов и журналистов. Институционализация политических исследований в Европе – образование профильных структур в рамках университетов, создание национальных профессиональных ассоциаций и специализированных изданий – началась после Второй мировой войны при активном участии созданной под эгидой ЮНЕСКО Международной ассоциации политической науки.

В начале XXI в. этот процесс охватил значительное количество стран уже не только в Европе, но и в Азии, Африке и Латинской Америке. Это позволяет рассматривать политическую науку как один из продуктов глобализации и вместе с тем поднимает вопрос о принципах ее развития в качестве действительно «мировой», а не только «американской» науки. Возможна ли вообще

универсальная и глобальная политическая наука, имеющая единое теоретическое и методологическое ядро, – или же правильное рассматривать ее как плюралистический набор идей и исследовательских практик, варьирующихся в зависимости от национального и регионального контекста? Насколько сциентистская модель политологии как социальной науки, опирающейся на эмпирическую проверку гипотез, адекватна современным потребностям? Просматривается ли перспектива конвергенции разных теоретических и методологических перспектив в некий узнаваемый образ политической науки? Этими и другими вопросами задаются авторы рецензируемой книги.

Книгу открывают главы, посвященные сравнительному анализу развития дисциплины в азиатском и европейском регионах. Президент Ниигатского префектурального университета Такаси Иногучи, анализируя особенности профессиональных сообществ политологов в Японии, Южной Корее и Китае, с одной стороны, наглядно демонстрирует значение «концептуального влияния» американской политической науки при формировании данной дисциплины в ведущих азиатских странах, а с другой стороны, показывает, что в каждой из них этот процесс определялся «ключевыми рамочными вопросами», вытекающими из внутреннего политического и культурного контекста. По его оценке, в Японии, где больше внутренний рынок для академических публикаций, американское влияние проявляется избирательно, в Южной Корее и на Тайване оно столь сильно, что можно говорить о «неоколониальной политической науке» (р. 17), а в Китае, вопреки очевидному заимствованию терминологии, преобладает критическое отношение к западной политической науке с ее фокусом на проблемы демократии (по принципу «давайте приготовимся к тому, что и с нами может случиться»). Тем не менее, несмотря на различие «ключевых рамочных вопросов», именно американская политическая наука «исходно служит руководством для поиска ответов» и в этом смысле является «инструментом продвижения американского стиля демократии за рубежом» (р. 33).

Что же касается Европы, то хотя послевоенный организационный толчок и привел, по оценке Э. Берндтсона, к некоторой «американизации» политической науки, в разных странах этот процесс протекал по-разному. Финский исследователь выделяет

несколько факторов, определяющих траектории развития дисциплины: во-первых, тип политического режима (считается, что в Греции, Португалии и Испании политическая наука стала полноценно развиваться лишь с середины 1970-х, в Центральной и Восточной Европе – с начала 1990-х); во-вторых, характер конкуренции со смежными и более укорененными академическими дисциплинами (прежде всего, правом); в-третьих, особенности национальных систем образования. По мнению Берндтсона, о европейской политической науке правильнее говорить во множественном числе, и даже Болонский процесс, который должен был способствовать унификации образовательного процесса, «на данный момент не привел к гармонизации исследований политики; напротив, есть признаки нарастания фрагментации» (р. 42). Таким образом, хотя в Европе и Азии развитие политической науки опирается на достижения американского «мейнстрима», об унификации дисциплины на основе заокеанских лекал говорить не приходится.

Следующая глава книги, написанная одним из ее соредакторов, канадским политологом Майклом Стейном, посвящена дискуссиям о выборе модели для «глобальной» политической науки, которые связаны, с одной стороны, с хорошо знакомой российскому читателю проблемой соответствия языка и подходов, сформировавшихся в контексте изучения западных политий, незападным контекстам, а с другой стороны, – с вопросом об адекватности сциентистских подходов к построению наук об обществе. Стейн начинает свой анализ с противопоставления двух точек зрения на состояние и перспективы политической науки: оценки Габриэля Алмонда, суммированной в названии его эссе 1990 г. «Разделенная дисциплина: Школы и секты в политической науке» (1990), и позиции редакторов «Нового руководства по политической науке» (1996) Роберта Гудина и Ханса-Диттриха Клингеманна, оптимистически заявлявших о ширящемся согласии относительно содержания «ядра» дисциплины. По мнению Стейна, взгляд Алмонда на историю политической науки отражает точку зрения позитивистского мейнстрима, в логике которой наличие иных теоретических подходов – постпозитивистского, постбихевиоралистского, интерпретативистского, конструктивистского и др. – воспринимается как преграда на пути к прогрессу дисциплины. Однако Гудин и Клингеманн, несмотря на то что они декларируют большую от-

крытость плюрализму, также не слишком стремятся оспаривать представление о том, что методология естественных наук – единственно подходящая модель получения эмпирически достоверного знания. По мнению Стейна, это делает их позицию противоречивой. Он находит более последовательным «европоцентрический» подход Филиппа Шмиттера, который в докладе 2001 г. на конференции МАПН писал о «несбалансированной конвергенции», в ходе которой американский подход поглощает европейский, как о факторе кризиса дисциплины. Таким образом, существуют разные точки зрения на историю и перспективы политической науки.

Однако водораздел проходит не по географическому принципу. В американской политической науке тоже существует реформистское движение (его называют движением перестройки), выступающее против гегемонии «строго научного» подхода (*hard science*). Оно началось осенью 2000 г. с анонимного электронного письма группы членов Американской ассоциации политической науки, назвавшихся «Mr. Perestroika», собравшего подписи около 800 членов ассоциации, в числе которых были и международно признанные специалисты ведущих американских университетов. Реформисты высказывали разные мнения относительно того, что именно следует менять; в числе предлагаемых шагов фигурировали: 1) реорганизация профессиональных ассоциаций и журналов с целью обеспечения большей открытости разным теоретическим подходам и методам; 2) фокус на содержательных проблемах, а не на методах; 3) обучение студентов не только количественным, но и качественным методам; 4) восстановление центрального места политической философии в политических исследованиях; 5) поощрение кросскультурных сравнений; 6) продвижение междисциплинарных исследований; 7) стимулирование *public policy studies*. Одним из результатов критики стало появление нового журнала, финансируемого Американской ассоциацией политической науки (APSA), – «*Perspectives on politics*», призванного стимулировать профессиональный диалог по актуальным политическим проблемам. Кроме того, произошли некоторые перестановки в руководстве ассоциации. Считается, что «бунт» сторонников «перестройки» увенчался относительным успехом: он не привел к глубокой интеллектуальной трансформации дисциплины, но «легитимировал» плюрализм подходов. По опыту моего участия в ежегодной

конференции APSA в 2013 г. могут подтвердить, что, несмотря на очевидное доминирование позитивистского мейнстрима, установки «перестроенного» меньшинства, несомненно, находят отражение в программе этого крупного профессионального форума.

По мнению Стейна, ни одна из рассмотренных им моделей не способна удовлетворить потребности развивающейся глобальной дисциплины, поскольку, во-первых, не учитываются особенности «перспектив» и ценностей незападных профессиональных сообществ, во-вторых, преувеличивается консенсус относительно сциентистской модели. Стейн предлагает рассматривать существующий теоретический и методологический плюрализм под более «кооперативным и позитивным» углом, поощряя плюрализм как между региональными сообществами, так и внутри них. Разумеется, это возможно, если принять представление о социальной науке, выходящее за рамки позитивистско-эмпирических посылок, и признать необходимым фактором прогресса конкуренцию парадигм.

Факт наличия такой конкуренции красноречиво иллюстрирует следующая глава книги, в которой второй ее соредактор и несомненный лидер проекта, канадский политолог Джон Трент, анализируя 11 книг серии «Мир политической науки: Развитие дисциплины», попытался выделить основные тенденции и проблемы, поднятые ее авторами.

Завершает коллективную монографию эссе Трента о настоящем и будущем политических исследований, подготовленное на основе анализа всего массива материалов проекта. Согласно диагнозу Трента, нынешнее состояние международной политической науки можно охарактеризовать как «аналитический эклектизм», основанный на сознательном методологическом агностицизме (р. 156): профессиональное сообщество отказалось от «великих споров» и настроилось на «нормальную науку» (в кунновском смысле), причем каждый исследователь заключил себя в капсулу одной из сосуществующих теоретических перспектив. Однако Тренту это «успокоение» кажется преждевременным, ибо, по его мнению, дисциплина все еще находится в поисках себя и по-прежнему далека от мира реальной политики.

В качестве ключевых проблем, требующих решения, он выделяет: 1) избыточную специализацию и обусловленную ею фрагментацию; 2) недостаточную релевантность результатов полити-

ческой науки для ее «естественных аудиторий» – студентов, граждан, политиков, чиновников, руководителей образовательных структур и грантодателей. Трент признает, что специализация – естественный путь развития научного знания, ориентированного на аналитическое разделение предмета; кроме того, она стимулируется организацией системы образования по предметному принципу и сложившейся культурой публикаций и профессиональной коммуникации, задающей траектории построения карьеры. Однако он настаивает на необходимости заботиться об исправлении негативных последствий специализации, которая, на его взгляд, препятствует целостному пониманию политики и затрудняет не только общение между исследователями, но и понимание изучаемых ими проблем публикой. Трент призывает менять практики преподавания (ориентировать студентов на более широкие проблемы), больше внимания уделять экспертной деятельности и укреплению связей с политиками, чиновниками и СМИ и пересматривать нормативную установку, согласно которой узкая специализация рассматривается как атрибут учености.

Вместе с тем, обращаясь к проблеме соответствия политической дисциплины запросам общества, он отмечает, что недостаток ее авторитета в глазах широкой публики является следствием увлечения методами, нацеленными на получение «строгого знания», ибо такой подход исключает многие действительно важные темы, – такие как власть, религия, мораль, равенство, ценности, цели, национализм, демократия, проекты будущего и т.п. Трент предлагает уходить от исследований, ведомых методами, к проектам, ориентированным на цели, связанные с решением социальных проблем и включающие нормативную составляющую. Сциентистскому подходу, направленному на поиск причин путем выделения установления отношений между зависимыми и независимыми переменными, он противопоставляет целеориентированный (*purposive*) подход, предполагающий учет контекста и множественности связей, сознательно ориентированный на решение социальных проблем и ставящий задачи предвидения и предписания наряду с описанием и объяснением (p. 168–169).

Нетрудно заметить, что оценки состояния и перспектив развития политической науки в мире, представленные авторами коллективной монографии, не во всем совпадают. Под ее обложкой

фактически продолжают споры, которые авторы пытаются анализировать и разрешать. Нельзя не согласиться с выводом Трента: хотя в начале XXI в. политическая наука и стала «глобальной», она «все еще ищет себя» (р. 156). Вместе с тем наблюдения, сделанные на столь обширном сравнительном материале, помогают лучше понимать некоторые социальные закономерности развития дисциплины. Например, они показывают, сколь значим фактор институтов – сильных профессиональных ассоциаций, качественных периодических изданий, сложившихся систем оценки результатов научной деятельности сообществом. Это относится и к организации образования: как утверждает Берндтсон, выделение факультетов в структуре американских университетов в свое время послужило одним из факторов формирования политической науки в качестве самостоятельной дисциплины; а в европейских странах отношения с более укорененными «смежными» науками существенно повлияли на ее судьбу. Безусловно, эти наблюдения стоит принять во внимание для оценки вероятных результатов начавшейся в ряде ведущих российских университетов кампании по созданию «больших» факультетов и институтов за счет слияния структур, образованных по дисциплинарному принципу. С одной стороны, она как будто бы отвечает потребности преодоления избыточной специализации, о которой писал Трент. А с другой стороны, не затормозит ли она процесс профессионализации все еще достаточно молодой российской политической науки, и без того имеющей весьма «многодисциплинарные» корни? Рассматриваемая книга, как и вся серия, подготовленная МАПН и издательством «Барбара Будрих паблишез», дает много пищи для размышлений о прошлом, настоящем и будущем политической науки. Она служит прекрасным свидетельством того, что, став действительно «глобальной», наша дисциплина все еще не определилась со своей идентичностью. Однако сформулировать вопросы порой не менее важно, чем найти ответы.